

*К. СОНИН,
кандидат физико-математических наук,
профессор Российской экономической школы/ЦЭФИР,
сотрудник Института передовых исследований,
Принстон, США*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ БЕСКОНЕЧНОГО ПЕРЕДЕЛА*

Когда государство не выполняет своих функций по защите экономических агентов от незаконной экспроприации их собственности, им приходится решать вопрос о такой защите своими силами. Для этого они могут, например, нанять охрану или вступить в неформальные отношения с официальными властями. Другой способ добиться усиления защиты прав частной собственности — активно участвовать в политическом процессе, например, голосовать за соответствующего кандидата на выборах. В развивающихся странах и странах с переходной экономикой данный способ не всегда приводит к ожидаемым результатам в связи с несовершенством политических институтов. Из-за этого экономические агенты вынуждены тратить немалые средства на индивидуальную защиту прав собственности. Экономия на масштабах при индивидуальной защите дает богатым агентам преимущества по сравнению с остальными агентами. Более того, способность первых получать выгоду от присвоения незаконно экспроприированных фондов делает их политическими противниками совершенствования института защиты прав собственности.

Почему так важен спрос на институты со стороны наиболее влиятельных агентов в экономике? Для поддержания устойчивого экономического роста требуются экономические институты: прежде всего институты защиты прав собственности; суды, обеспечивающие исполнение контрактов; регулирование, способствующее развитию бизнеса, и т.п. Чтобы они возникли, необходимы агенты, которым они нужны; у этих агентов должны быть экономические стимулы и политические

* Автор выражает благодарность Д. Бонину, С. Дьянкову, Р. Эриксону, Д. Ляйцелю, Дж. Стиглицу, Л. Полищуку, В. Полтеровичу, Я. Ростовски, Ж. Ролану, А. Шлейферу и Д. Торнтон за ценные комментарии, А. Суслиной — за помощь в подготовке рукописи, Российской программе экономических исследований — за финансовую поддержку. Первая версия этой статьи появилась в 1998 г. Вариант статьи (содержащий, в частности, опущенные в данной версии доказательства) на английском языке “Why the Rich May Favor Poor Protection of Property Rights” был опубликован в: *Journal of Comparative Economics*, 2003, vol. 31, No 4, p. 715–731.

возможности для создания и развития институтов. В начале 1990-х годов российские реформаторы и их советники именно так и представляли себе создание института защиты прав собственности — сначала собственность раздается в частные руки (в этой схеме неважно, как и кому, главное — быстро), а потом новые частные собственники становятся естественными сторонниками введения режима защищенных прав собственности.

Однако эта простая схема (собственники — спрос — права собственности) не сработала. Оказалось, в частности, что большую роль играет неравенство — и имущественное, и политическое. Если богатые слишком сильны политически, то они изменяют существующие институты так, что ресурсы (богатство) продолжают перераспределяться в их пользу. Поскольку у богатых есть преимущество и в создании частного охранного агентства, и в установлении связей с чиновниками из-за отдачи от масштаба, у них, как правило, нет стимулов поддерживать развитие хороших государственных институтов. Иными словами, нет спроса на хорошие институты — на защиту прав собственности и тем более на защиту конкуренции. Даже сегодня, несмотря на сильное давление на крупный российский бизнес в целом, бизнесмены не торопятся защищать права собственности для всех.

Аристотель использовал слово “олигархия” (власть, принадлежащая немногим — греч.) для описания политической среды, в которой власть принадлежит богатым, действующим скорее в собственных, чем в общественных, интересах¹. Политическая и экономическая история возникновения российских олигархов хорошо изучена², и мы не будем на ней останавливаться. Однако последующий анализ требует некоторых пояснений.

Во-первых, возникновение олигархов — не чисто российский феномен. Больше половины корпоративных активов в Индонезии и на Филиппинах контролируется десятью крупнейшими семьями (соответственно 57,7 и 52,5%). Высокой концентрацией контроля в руках крупных семей характеризуется ситуация в Таиланде (46,2%) и Гонконге (32,1%), Корее, Малайзии и Сингапуре (25%)³. Как отмечается в исследовании Всемирного банка, “концентрация корпоративного

¹ В наше время этот термин был использован по отношению к правящей элите в империалистической Японии (Ramseyer M., Rosenbluth F. *The Politics of Oligarchy: Institutional Choice in Imperial Japan*. New York, Cambridge University Press, 1995), к семьям, обладающим огромной экономической властью в Латинской Америке (Dosal P. *The Guatemalan Oligarchy and the United States in Transition*. Foreign Policy Seminar, University of Connecticut, Storrs, March 31, 1995) и Восточной Азии (Claessens S., Djankov S., Lang L. *The Separation of Ownership and Control in East Asian Corporations*. — *Journal of Financial Economics*, 2000, vol. 58, No 1–2, p. 81–112).

² См., например: Freeland C. *The Sale of the Century*. New York, Crown Business, 2000; Barnes A. *Post-Soviet Russia as a Struggle for Property: Illuminating Changes in the Russian Political Economy Since 1998*. Mimeo, 2002; Hoffman D. *The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia*. New York, Public Affairs, 2002; Паппэ Я. Олигархи: экономическая хроника, 1992–2000. М.: ГУ–ВШЭ, 2000; Яковлев А. Корпоративное управление и реструктуризация предприятий в России: формальные институты и неформальные интересы собственников. — *Экономический журнал ВШЭ*, 2003, т. 7, № 2, с. 221–230.

³ Claessens S., Djankov S., Lang L. *Op. cit.* Для сравнения, в Японии 15 крупнейших семей контролировали в 1996 г. всего 2,1% ВВП, в США в 1998 г. — 2,9% ВВП.

контроля в руках некоторых семей создает мощные стимулы и возможности для лоббирования правительственных и общественных организаций ... например, с помощью торговых барьеров, нерыночного финансирования, выгодных общественных контрактов и т.д. Эта концентрация замедляет развитие юридических институтов”⁴. В таких странах одним из способов перераспределения благ в пользу политически влиятельных агентов является контроль над капиталом⁵. Последствия олигархических правлений были примерно теми же, что и в России: так, было показано, что азиатский финансовый кризис имел наиболее негативные последствия в странах со слабой защитой инвесторов⁶.

Во-вторых, надежды на то, что наличие собственности породит политический спрос на институты защиты прав собственности со стороны олигархов, в действительности не оправдались⁷. По мнению нобелевского лауреата Дж. Стиглица, “в России мы не слышим требований политики, обеспечивающей конкуренцию, исходящих от олигархов ... Требования верховенства закона последовали от этих олигархов ... только тогда, когда они увидели, что их особые связи с правителями России и влияние на них начинают ослабевать”⁸. Имея огромное накопленное богатство и политическую власть, олигархи не только не поддерживали, но зачастую эффективно блокировали попытки улучшить защиту прав собственности.

Экономика, в которой богатые агенты заинтересованы в плохой защите прав собственности, описана в работе Э. Глэсера, Х. Шейнкмана и А. Шлейфера⁹. Богатые агенты могут использовать свои средства и политическое влияние для воздействия на экономические институты в собственных интересах. Неравенство способствует манипулированию институтами, что ведет к росту самого неравенства.

Задача настоящей работы — *изучение динамики институционального выбора*: политика определяет уровень перераспределения богатства в обществе, который, в свою очередь, влияет на политический выбор будущих поколений. Нашей целью является также анализ микроэкономических и политических причин формирования экономической среды, которая, несмотря на возникающий массовый спрос на защиту прав собственности, препятствует созданию новых, благоприятных для рынка институтов. В частности, если богатые агенты располагают достаточным объемом политической власти, чтобы выбирать уровень защиты прав собственности, то экономика может ока-

⁴ Claessens S., Djankov S., Lang I. Op. cit.

⁵ Rajan R., Zingales L. Which Capitalism? Lessons from the East Asian Crisis. — Journal of Applied Corporate Finance, 1998, vol. 11, No 3, p. 40–48. Johnson S., Mitton T. Cronyism and Capital Controls: Evidence from Malaysia. Mimeo, 2002.

⁶ Johnson S., Boone P., Breach A., Friedman R. Corporate Governance in the Asian Financial Crisis 1997–98. — Journal of Financial Economics, 2000, vol. 58, No 2, p. 141–186.

⁷ “Главное состоит в том, что предприятия не зависят от государства и ориентируются на получение прибыли. При таких условиях владельцы будут обязательно стараться укрепить свои права собственности” (Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Издательство “Республика”, 1996, с. 19).

⁸ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003, с. 199–200.

⁹ Glaeser E., Scheinkman J., Shleifer A. The Injustice of Inequality. — Journal of Monetary Economics, 2003, vol. 50, No 1, p. 199–222.

заться в “институциональной ловушке” — устойчивом долгосрочном равновесии при слабой защите прав собственности.

Под индивидуальной защитой не обязательно имеется в виду наличие собственной вооруженной охраны или использование услуг частного охранного агентства. Нередко она может принимать форму установления коррупционных связей с представителями государственных органов, лоббирования преференций для своего предприятия и даже найма адвоката. Иными словами, индивидуальная защита прав собственности — это стратегия, которую агент применяет для повышения эффективности и предсказуемости своих бизнес-отношений. Инвестиции такого рода можно рассматривать как особый случай рентоориентированного поведения. Во многих работах, посвященных непроизводительной деятельности, начиная с классической статьи Г. Таллока решение об участии в поиске ренты принимается агентами на основании сравнения издержек и доходов. Мы исходим из того, что никакой бизнес не может существовать без инвестиций в индивидуальную защиту¹⁰.

Наша модель иллюстрирует три вида негативных последствий плохой защиты прав собственности. Во-первых, необходимость защищать собственность заставляет агентов тратить ресурсы на эти цели вместо того, чтобы направить их на нужды основного производства. Во-вторых, угроза потерять плоды своих трудов, с которой сталкивается собственник, деформирует экономическую среду и способствует неоптимальному накоплению капитала и развитию производства. В-третьих, усиливающаяся борьба за собственность обычно обусловлена значительным неравенством в распределении доходов. Влиянию неравенства и перераспределения на экономический рост посвящено большое количество статей. В частности, в работе А. Алесины и Д. Родрика показано, что неравенство отрицательно влияет на экономический рост¹¹. Однако в этих моделях предполагается, что перераспределение доходов, например, через прогрессивное налогообложение и социальные трансферты, всегда происходит от богатых агентов к бедным. Мы же не делаем априорных предположений о том, кто выигрывает от перераспределения, — и в нашей модели от него выигрывают именно богатые.

Отрицательное влияние слабой защиты прав собственности на экономический рост отмечалось еще в работах А. Смита и Д. Норта. Изучение спонтанного спроса на права собственности началось сравнительно недавно¹². Так, подчеркивалось, что в России неоднозначность прав собственности способствует рентоориентированному поведению¹³. Л. Полищук и А. Савватеев смоделировали одношаговую игру, описывающую борьбу за ренту, в которой богатые получают преимущество, и

¹⁰ Alexeev M., Gaddy C., Leitzel J. Economic Crime and Russian Reform. — *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 1995, vol. 151, No 4, p. 677–692.

¹¹ Alesina A., Rodrik D. Distributive Politics and Economic Growth. — *Quarterly Journal of Economics*, 1994, vol. 109, No 4, p. 465–490.

¹² См., в частности, подборку статей “Спрос на право в экономике”. — *Вопросы экономики*, 2003, № 4.

¹³ Gelb A., Hillman A., Unsprung H. Rents as Distractions: Why the Exit from Transition is Prolonged. In: Baltas N., Demopoulos G., Hassid J. (eds.). *Economic Interdependence and Cooperation in Europe*. N.Y.: Springer Verlag, 1998, p. 21–38.

нашли в этой модели статическое общее равновесие. Они пришли к выводу, что неэффективность обеспечения экономии на масштабе производства является основной причиной возникновения в России борьбы за ренту¹⁴. По мнению Дж. Хеллмана, политически влиятельные борцы за дополнительную ренту, которые преуспели на первом этапе реформ, становятся главным препятствием на пути дальнейших реформ¹⁵.

Экономика защиты прав собственности

Формальная модель

Для анализа влияния неполной защиты прав собственности на экономический рост используется стандартная модель эндогенного роста с перекрывающимися поколениями. Агенты рождаются, потребляют в первом периоде, а также выбирают, сколько средств вкладывать в производство и в индивидуальную защиту с тем, чтобы потратить полученный продукт во втором периоде. В экономике есть континуум $[0,1]$ неоднородных агентов. Каждый агент, родившийся в период t , имеет следующую функцию полезности:

$$u_{it} = \ln c_{it} + \rho \ln d_{it},$$

где: c_{it} — потребление в первом периоде жизни; d_{it} — потребление во втором периоде жизни; ρ — дисконтирующий множитель.

Пусть также каждый i -й агент рождается с неким специфическим индивидуальным начальным уровнем навыков и умений (средств и возможностей), обозначаемым через w_{it} . Для простоты предположим, что w_{it} имеет логнормальное распределение среди агентов, то есть натуральный логарифм величины w_{it} распределен нормально со средним m и дисперсией σ^2 . Обозначим через w_t средний уровень богатства, $w_t = E w_{it}$. Тогда взаимосвязь поколений можно представить следующим образом: $w_{it+1} = \varepsilon_{it+1} y_{it}$, где ε_{it+1} — независимые одинаково распределенные шоки со средним, равным единице, и $Var[\ln \varepsilon_{it+1}] = \delta^2$, а y_{it} — доход i -го агента во втором периоде¹⁶. Далее мы опускаем индекс t в ситуациях, когда речь будет идти только о представителях одного поколения.

Каждый i -й агент имеет доступ к технологии Кобба-Дугласа: доход во втором периоде будет равен $y_i = A \tilde{k}_i^2 w^{1-\beta}$, где \tilde{k}_i — производственный капитал после перераспределения, A — заданный экзогенно технологический параметр и w — совокупность базовых навыков всех агентов. Переменная \tilde{k}_i зависит не только от капитальных вложений k_i i -го агента, но и от его инвестиций в индивидуальную защиту, а также от анало-

¹⁴ Polishchuk L., Savvateev A. Spontaneous Emergence of Property Rights: A Critical Analysis. NES, mimeo, 1997.

¹⁵ Hellman J. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions. — World Politics, 1998, vol. 50, No 2, p. 203–234.

¹⁶ В техническом смысле эта модель экономического роста похожа на модели Т. Перссона и Г. Табеллини (Persson T., Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth? — American Economic Review, 1994, vol. 84, No 3, p. 600–621), а также Р. Бенабу (Benabou R. Inequality and Growth. NBER Macroeconomics Annual, MIT Press, 1996, p. 11–74). Основное преимущество настоящей модели состоит в том, что она позволяет получить решения максимизационных задач в явном виде. В то же время большинство наших качественных результатов остаются верными и при произвольном невынужденном распределении богатства, более общих связях между поколениями и перераспределительном механизме, не обязательно характеризующемся мультипликативностью.

гичных затрат остальных агентов. Мы предполагаем также, что не существует рынка кредитов, и агенты не могут брать и давать в долг для оптимизации своего потребления.

Как уже было сказано, каждый агент помимо инвестиций в производство может тратить средства и на защиту своих прав собственности. Если k_i — капитальные вложения i -го агента и h_i — количество средств, потраченных на защиту, то тогда производственный капитал i -го агента после перераспределения будет равен $\tilde{k}_i = k_i h_i^\theta g$. Множитель g определяется исходя из следующего балансового условия:

$$\int_0^1 \tilde{k}_i di = \int_0^1 k_i di.$$

Неотрицательный параметр θ отражает эффективность защиты прав собственности. При $\theta=0$, то есть когда существует полная защита прав собственности, $h_i=0$ и $g=1$ и никакого перераспределения не происходит. Если $\theta > 0$, то при заданной технологии перераспределения каждый агент инвестирует в свою защиту $h_i > 0$.

Поскольку объем капитала, находящегося в распоряжении агента, увеличивается с ростом его затрат на защиту прав собственности и уменьшается с ростом затрат на перераспределение остальных агентов, наша модель представляет собой модель борьбы за ренту “галлаковского” типа. Такому типу перераспределения присуща основная особенность рентоориентированного поведения: относительный успех в борьбе является функцией от того, сколько каждый агент готов на нее потратить. Величина перераспределяемого “пирога” определяется эндогенно, поскольку производственные затраты и издержки на экспроприацию чужой собственности являются субститутами¹⁷.

Решение оптимизационной задачи i -го агента можно записать следующим образом: $k_i = p(\theta, \beta) w_i$ и $h_i = r(\theta, \beta) w_i$, где $p(\theta, \beta)$ и $r(\theta, \beta)$ — доли средств, направляемых агентом соответственно на производство и защиту. Инвестиции в производство увеличиваются по мере улучшения защиты прав собственности, то есть с уменьшением величины θ и ростом производительности β . Затраты на присвоение чужой собственности и, следовательно, убытки в реальном секторе растут с увеличением параметра θ . Если права собственности защищены полностью, агент распределяет свои средства только между производством и потреблением.

Агенты, проигрывающие от неполной защиты прав собственности, направляют на потребление в первом периоде слишком много средств по сравнению с общественно оптимальным уровнем, в то время как агенты, которые выигрывают, потребляют слишком мало. Таким образом, кроме непосредственных потерь, связанных с перераспределительной деятельностью, борьба за ренту уменьшает и потребление i -го агента. Суммируя y_i для всех агентов, получим темп роста совокупного дохода как изменение совокупного богатства.

Утверждение 1. В условиях равновесия чем выше уровень защиты прав собственности в обществе, тем больше средств агенты направляют на производство и потребление и тем меньше инвестиции в индивидуальную защиту. Темп роста экономики увеличивается с повышением уровня защиты прав собственности и достигает максимального значения, когда права собственности полностью защищены.

Инвестируя в индивидуальную защиту, агенты не учитывают влияния своих действий на решения других агентов. Это стимулирует последних также инвестировать в индивидуальную защиту и уменьшает желание инвестировать в производство. Можно выделить две

¹⁷ Hirshleifer J. The Paradox of Power. — Economics and Politics, 1991, vol. 3, No 3, p. 177–200; Skaperdas S. Cooperation, Conflict and Power in the Absence of Property Rights. — American Economic Review, 1992, vol. 82, No 4, p. 730–739.

причины негативного влияния плохой защиты прав собственности на экономический рост. Во-первых, чем ниже уровень защиты прав собственности со стороны государства (чем больше θ), тем больше средств будет потрачено на индивидуальную защиту, то есть на непроизводительную деятельность. Во-вторых, увеличение θ делает более жестким бюджетное ограничение (этот эффект проявляется в третьем слагаемом уравнения роста). В отсутствие рынка активов бедные агенты будут инвестировать меньше, чем при общественном оптимуме. Поскольку богатые при нашем перераспределении выигрывают больше, неравенство, измеряемое параметром σ , будет препятствовать инвестированию в производство, а значит, и экономическому росту при любом заданном уровне государственной защиты прав собственности $\theta > 0$. В то же время, если бы рынок капитала был совершенным и процентная ставка равнялась предельному продукту производственного капитала, то темп роста экономики перестал бы зависеть от распределения капитала. Другими словами, тогда бы не проявился второй негативный эффект неполной защиты прав собственности, поскольку все агенты инвестировали бы в производство одинаковые средства.

Существование системы индивидуальной защиты позволяет агентам одновременно бороться за различные виды ренты. Например, подерживаемый агентом политик может помочь в установлении требуемых агенту таможенных пошлин в одной отрасли и в управлении — в другой. Ведь олигархи стремятся диверсифицировать свой бизнес¹⁸. Наша модель предсказывает, что если инвестиции в индивидуальную защиту могут быть использованы еще и как способ борьбы за дополнительную ренту, то стимулы агентов тратить средства на защиту будут сильнее. То есть чем больше “приз” в борьбе за ренту, тем острее будет сама борьба. К. Мерфи, А. Шлейфер и Р. Вишны подчеркивают, что процесс поиска ренты может стать самовоспроизводящимся¹⁹.

Чтобы формально описать влияние дополнительной внешней ренты на экономику, предположим, что агент помимо прибыли от производства и присвоения чужой собственности получает доход от борьбы за ренту как таковой. Доля i -го агента в общем “призе” положительно зависит от его собственных вложений в индивидуальную защиту и отрицательно — от аналогичных затрат соперников. Теперь решение задачи отдельного агента позволяет получить оптимальный уровень инвестиций и в производство, и в защиту как функцию от объема дополнительного “пирога”. Если этот экзогенный дополнительный доход достаточно велик, то средства агента делятся между потреблением первого периода и инвестициями в “экспроприацию”. Чем больше награда в борьбе за ренту, тем меньше средств будет вложено в производство и больше — в индивидуальную защиту, что, в свою очередь, увеличит доход агента от борьбы за ренту.

Утверждение 2. Чем больше дополнительный доход от борьбы за ренту, тем ниже равновесные темпы роста экономики.

¹⁸ Claessens S., Djankov S., Lang I. Op. cit.

¹⁹ Murphy K., Shleifer A., Vishny R. Why Is Rent-Seeking So Costly to Growth? — American Economic Review, 1993, vol. 83, No 2, p. 409–414.

Политическая экономия перераспределения

Многие экономисты, начиная с таких классиков, как А. Смит и Д. Норт, считают, что низкий уровень защиты прав собственности является препятствием для экономического роста. Пример российских олигархов показывает, что богатые агенты могут быть основным источником политической поддержки плохих институтов. Чтобы продемонстрировать этот эффект в формальной модели, нужно сначала изучить предпочтения каждого отдельного агента относительно уровня защиты прав собственности. Определяя этот уровень, агент принимает во внимание свое равновесное потребление — результат решения оптимизационной задачи, которая обсуждалась выше. Можно показать, что каждый i -й агент имеет единственную “идеальную точку” — наиболее удовлетворяющий его уровень защиты прав собственности $\theta \geq 0$, поэтому задача i -го агента имеет уникальное решение θ_i^* . Чем беднее агент, тем выше желаемый им уровень защиты.

Утверждение 3²⁰. (а) Чем богаче агент, тем ниже желаемый уровень защиты прав собственности.

(б) Существует единственное пороговое значение богатства, такое, что каждый агент с меньшим богатством предпочтет полную защиту прав собственности, а с большим — неполную.

В современных работах, посвященных анализу борьбы за ренту, утверждается, что уровень защиты прав собственности определяется в экономике эндогенно²¹. Однако большинство подобных моделей не может быть использовано для изучения проблем экономического роста. В то же время ряду авторов удалось успешно “эндогенезировать” налоговую политику в моделях эндогенного роста²². Мы следуем примеру этих работ и аналогичным способом “эндогенезируем” уровень защиты прав собственности, делая стандартное для таких моделей предположение, что старшее поколение не принимает участия в политическом процессе.

Для определения политического выбора, то есть результата агрегирования предпочтений отдельных агентов, проще всего использовать модель медианного избирателя²³. Однако реальные политические системы оказываются, как правило, далеки от демократического идеала — решающий голос принадлежит не такому избирателю. Скорее наоборот, уровень защиты прав собственности определяется относительно малой группой влиятельных агентов.

²⁰ Л. Полищук и А. Савватеев в упомянутой работе получили результаты, аналогичные описанным в утверждении 3 для статической модели, в которой производство и борьба за ренту выступают стратегическими субститутами. Главное здесь то, что в производственном процессе предельная прибыль падает, в то время как доход от поиска ренты является постоянным (cf. Murphy K., Shleifer A., Vishny R. Op. cit.).

²¹ Grossman H., Kim M. Swords or Plowshares? A Theory of Security Claims to Property. — Journal of Political Economy, 1995, vol. 103, No 6, p. 1275–1288.

²² Alesina A., Rodrik D. Op. cit.; Persson T., Tabellini G. Op. cit.; Benabou R. Op. cit.

²³ Grandmont J.-M. Intermediate Preferences and Majority Rule. — Econometrica, 1978, vol. 46, No 2, p. 317–330.

Исходя из этого предположим, что агент, от которого зависит решение, находится на π -ом, а не на 50-процентном месте в распределении доходов. Богатство w_π этого агента характеризуется $F((\ln w_\pi - m)/\sigma) = \pi$, где F — кумулятивная функция плотности стандартного нормального распределения. Следовательно, можно записать такое равенство: $\ln w_\pi = m + \lambda\sigma$, где $\lambda = F^{-1}(\pi)$. Если $\lambda > 0$, то $\pi > 50\%$, и, значит, политическая система имеет “уклон” в сторону богатых агентов.

Утверждение 4. (а) Чем демократичнее общество, то есть чем меньше “уклон” в сторону богатства у агента, принимающего решение, чем лучше защищены права собственности в условиях политического равновесия. Если λ превышает некоторое пороговое значение, тогда уровень защиты прав собственности строго снижается с ростом λ .

(б) Для любого агента, принимающего решение, чем выше производительность труда на производстве β или чем больше он ценит будущее производство ρ , тем более полную защиту прав собственности он предпочтет.

Очевидное следствие первой части утверждения — политическое равновесие подразумевает полную защиту прав собственности тогда и только тогда, когда λ не превышает некоторого порогового значения. Для большого числа параметров рост неравенства способствует снижению дохода богатых от экспроприации и, таким образом, делает неполную защиту прав собственности менее привлекательной. Этот эффект дополняет наш анализ влияния неравенства на экономический рост. Хотя прямое воздействие неравенства на рост является отрицательным, усиление неравенства приводит к тому, что при прочих равных условиях агент с решающим голосом станет беднее, а следовательно, захочет лучшей защиты прав собственности, что будет способствовать экономическому росту. Таким образом, влияние изменения неравенства на экономический рост можно представить как сумму, в которой первое слагаемое отражает прямое влияние неравенства на рост при неизменном уровне защиты прав собственности, а второе — косвенный эффект. Если права собственности защищены полностью, то неравенство влияет на рост только путем создания ограничений по богатству.

В приведенном выше анализе мы предполагали, что защита прав собственности государству ничего не стоит, что, конечно, сильно упрощает реальную ситуацию. Однако если агентам приходится платить за государственную защиту прав собственности, то они, скорее всего, предпочтут иметь меньше защиты, чем в случае нулевых издержек.

Объединив решение максимизационной задачи с динамикой дохода поколений внутри одной “династии”, мы получим закономерность изменения доходов каждой семьи во времени. Предположив, что $Var[\ln \varepsilon_{it+1}] = \delta^2$, можно вывести такое уравнение:

$$\sigma_{t+1}^2 = \delta^2 + \beta^2 (1 + \theta_t)^2 \sigma_t^2,$$

где θ_t — уровень защиты прав собственности, выбранный в период t (агентами, родившимися в период t).

Утверждение 5. Если $\sigma^2 > 1$, увеличение неравенства (частично) способствует повышению уровня защиты прав собственности со стороны государства. Если в политической системе присутствует

заметный “уклон” в сторону богатых, то существует много устойчивых состояний, включая и плохое равновесие с высоким неравенством и слабой защитой прав собственности.

В России процесс перехода к рыночной экономике сопровождался резким усилением неравенства. В нашей модели обратная связь между неравенством и уровнем защиты прав собственности приводит к появлению множества долгосрочных устойчивых состояний. Если политическая система имеет заметный “уклон” в сторону богатых агентов, долгосрочное равновесие может включать и низкий уровень защиты прав собственности, и низкий темп экономического роста. Это позволяет теоретически отвергнуть гипотезу о том, что появление спроса на права собственности — лишь вопрос времени.

Наша модель дает возможность сделать определенные выводы относительно характера прямых иностранных инвестиций в переходных экономиках, которые являются важной составляющей успешного экономического развития. Согласно результатам исследования Г. Брока, приток прямых иностранных инвестиций в Россию и другие страны бывшего СССР значительно меньше, чем в страны Восточной Европы, также находящиеся в процессе перехода к рынку²⁴. Как показывает наш анализ, во-первых, инвестиции в индивидуальную защиту — необходимая (и безвозвратно теряемая) составляющая средств иностранного инвестора. Во-вторых, общий размер инвестиций должен быть достаточно большим, чтобы агент мог выиграть в ходе перераспределительных процессов. Неудивительно, что почти все прямые иностранные инвестиции в России приходятся на очень крупных инвесторов прежде всего в нефтяную отрасль. И, наконец, инвестиции в виде взятки представителю власти могут быть расценены страной инвестора как нарушение закона — например, для американских компаний это соображение в последнее время стало играть существенную роль.

В работе Э. Глэсера, Х. Шейнкмана и А. Шлейфера перераспределение доходов от бедных агентов к богатым названо “перераспределением по принципу Джону”, а от богатых к бедным, например, через прогрессивное налогообложение, — “перераспределением по Робин Гуду”²⁵. В нашей модели могут быть представлены оба типа перераспределения. В частности, если решающий голос принадлежит богатому, то перераспределение, вызванное плохой защитой прав собственности со стороны государства, помогает возместить потери эффективности в результате чрезмерного налогообложения.

Формально предположим, что ставка налога на капитал рассчитывается по прогрессивной шкале и равна τ (здесь мы следуем модели Р. Бенабу). Если капитал до налогообложения равен k_i , то капитал, оставшийся после налогообложения, рассчитывается как $\tilde{k}_i = k_i^{1-\tau} m^\tau$, где m — множитель, определяющийся из балансового условия. Неполная защита прав собственности, в свою очередь, тоже ведет к некоторому перераспределению. Темпы роста в этой экономике зависят от θ так же, как и раньше, а зависимость от параметра τ выглядит как перевернутая парабола.

²⁴ Brock G. Foreign Direct Investment in Russia 1993–1995: Why So Little and Where Has it Gone. — *Economics of Transition*, 1998, vol. 6, No 2, p. 349–360.

²⁵ Glaeser E., Sheinkman J., Shleifer A. Op. cit.

Утверждение 6. Если ставка налога в экономике достаточно высока, а агент с решающим голосом богат настолько, чтобы терять существенные средства при уплате налогов, то он будет пытаться компенсировать эти потери путем снижения уровня государственной защиты прав собственности.

В. Полтерович получил аналогичный результат, предположив, что определенная часть налоговых поступлений государства оспаривается экономическими агентами²⁶. Утверждение 6 показывает, в частности, что если ставка налога будет выше оптимальной, то есть максимизирующей экономический рост, то ее снижение приведет к появлению дополнительной выгоды от более сильной защиты прав собственности.

В большинстве стран ставка налогообложения и политика в отношении малообеспеченных слоев в целом определяются органами законодательной власти. Однако, как мы видели, уровень защиты прав собственности, или степень способности богатых корректировать деятельность институтов в соответствии со своими интересами, складывается эндогенно как результат взаимодействия большого числа различных агентов. Получается, что если эти параметры устанавливаются разными агентами с решающим голосом несогласованно, то в результате обе стороны несут безвозвратные потери. Такая ситуация очень напоминает случай, когда две ветви власти соревнуются за одну и ту же налоговую базу путем установления независимых и несогласованных ставок налогов, что негативно отражается на сборах обеих сторон.

Следующая цель нашего анализа — подтверждение наблюдения, что политическая база экономических реформ сужается, если права собственности недостаточно защищены. Интуитивно понятно, что неполная защита прав собственности лишает агента уверенности в том, что он сможет успешно воспользоваться частью своих средств во втором периоде. Агент, понесший убытки в результате перераспределения, вряд ли готов пожертвовать сегодняшним потреблением во имя завтрашней эффективности. Формально эту мысль можно проиллюстрировать, представив экономическую реформу как выбор между большим сегодняшним потреблением и повышением будущей эффективности. Предположим, что в первом периоде агенты решают пожертвовать фиксированной долей α своего потребления (в этом периоде) ради роста эффективности производства в β раз во втором периоде. Такую реформу поддержат те агенты, чья нынешняя полезность возрастет.

Утверждение 7. В условиях слабой защищенности прав собственности доля агентов, поддерживающих реформу, увеличивается по мере улучшения защиты прав собственности со стороны государства. Чем сильнее неравенство, тем меньше избирателей поддержат реформу.

Последнее утверждение показывает, что приватизация и другие экономические реформы, направленные на повышение эффективности производства, менее уязвимы для критики со стороны политической оппозиции, если они ведут к институциональным реформам (та-

²⁶ Polterovich V. Rent-seeking, Tax Policy, and Economic Growth. NES Working Paper, 2001.

ким, как усиление государственной защиты прав собственности)²⁷. Страны, в которых на момент начала переходного периода было сильное неравенство или в которых ранняя приватизация, как в России, привела к резкому его росту, сталкиваются с большим политическим сопротивлением проведению экономических реформ.

Наша модель затрагивает более широкую проблематику, чем защита прав собственности, — теорию институционального выбора. Предположим, что “социальный планировщик” может свободно устанавливать институциональный параметр, который мы обозначали как θ , затрачивая при этом $c(\theta)$, где $c(\theta)$ — убывающая и выпуклая функция. Тогда параметр θ мог бы означать жесткость закона, то есть гражданское право соответствовало бы малому значению θ с высокими издержками, а общее право — большим значениям θ . Согласно модели, при высоком уровне неравенства оптимальным является более низкое значение θ , в то время как издержки на его поддержание будут более существенными. Такая модификация модели подчеркивает необходимость поддержания оптимального баланса между затратами на эффективную защиту прав собственности, требующими более высоких значений θ , и на “подстраивание” института в собственных интересах, уменьшающимися при низких значениях θ . Подобная трактовка модели хорошо согласуется с теоретическими и эмпирическими результатами, полученными в работах ряда специалистов²⁸.

Издержки перераспределения²⁹

Проведенный нами теоретический анализ позволяет рассмотреть причины и последствия различных видов экономической политики. Ниже мы сосредоточимся на непосредственном переделе собственности. К сожалению, нам не известны случаи эффективного перераспределения акционерной собственности в рамках государственных реформ. Однако можно использовать пример стран Латинской Америки, где перераспределительная политика принимала прежде всего форму перераспределения земли. Соответственно на первый план выходило имущественное неравенство, а не неравенство доходов.

В XX в. многие латиноамериканские страны оказались втянутыми в бесконечный круговорот — бедные оказывают политическое давление на элиту, происходит демократизация (а иногда и революция) — большому числу людей предоставляется право голоса, проводятся перераспределительные реформы — бедные получают землю. После этого богатые (бывшая элита) совершают переворот, как правило, при активном участии военных, но вовсе необязательно кровопролитный. Собственность

²⁷ Shleifer A. Government in Transition. — European Economic Review, 1997, vol. 41, No 3–5, p. 385–410; Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (*К десятилетию начала переходных процессов*). — Вопросы экономики, 1999, № 7.

²⁸ Glaeser E., Sheinkman J., Shleifer A. Op. cit.; Djankov S., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Courts. — Quarterly Journal of Economics, 2003, vol. 118, No 2, p. 453–517.

²⁹ Этот раздел отчасти основан на материалах, опубликованных ранее в журнале “Россия в глобальной политике” (www.globalaffairs.ru), 2003, № 4, 2004, № 3, и в газете “Ведомости” (www.vedomosti.ru).

перераспределяется обратно — зачастую не просто от бедных к богатым, а просто к прежним владельцам. Через некоторое время под политическим давлением богатая элита вынуждена проводить демократические выборы — на них побеждает левый политик-популист, и цикл начинается заново. Например, в Аргентине в 1912 г. прошли первые выборы, на которых все мужчины получили право голоса, в 1930 г. — военный переворот, в 1946 г. — выборы, в 1955 г. — переворот, в 1973 г. — снова выборы, в 1976 г. — переворот, с 1983 г. и по настоящее время — демократия³⁰. Заметим, что за прошедшие полвека экономический рост в стране, душевой ВВП которой в 1946 г. составлял 80% от уровня США, практически прекратился.

В нашей модели проведение демократических выборов, то есть существенное расширение числа агентов, влияющих на политический процесс, — это изменение параметра λ со всеми вытекающими отсюда последствиями для равновесного выбора агентов. М. Грэдштейн попытался дополнить нашу модель возможностью для политической элиты обеспечить проведение политики, которая предотвращает революции (то есть ограничивает перераспределение от богатых к бедным) с помощью расширения демократии (уменьшения λ)³¹.

Угроза обширной перераспределительной реформы рассматривается как основная причина военных переворотов (то есть перехода власти к богатой элите) в Латинской Америке. В Венесуэле в 1948 г., в Гватемале в 1954 г. и в Чили в 1973 г. после них значительная часть земли, только что перераспределенной в рамках земельной реформы, возвращалась к бывшим владельцам. Военному перевороту 1954 г. в Гватемале предшествовала аграрная реформа 1952 г., перевороту 1964 г. в Бразилии — план аграрной реформы, продвигавшийся демократически избранным президентом³². Хотя сценарий правого военного переворота представляется для России совершенно фантастическим, метафора понятна — в условиях угрозы перераспределения богатые будут вынуждены тратить огромные средства для поддержания своей политической власти. Это — потерянные инвестиции, ведь и перераспределительная деятельность власти, и борьба с ней по определению ничего не добавляют к ВВП.

Откуда возникают эти “волны” передела собственности? Одной из главных причин бесконечного передела является “базовая невозможность политики” — невозможность заключения контрактов между государством и его отдельными гражданами. Действительно, в перераспределительной игре нельзя ни о чем договориться. Не исключено, что многие богатые люди в России — “победители” в приватизации и перераспределении в последнее десятилетие — согласились бы заплатить значительную долю своего богатства, если бы были уверены, что к ним никогда больше не придут за остальной частью. К сожалению, такие гарантии получить нереально. Основная причина состоит в том, что нет такого суда, который мог бы обеспечить исполнение контракта между бизнесменом и политиком, не говоря уже о контракте между бизнесменом и государством. Например, парламент может принять конституционный закон, гласящий, что если олигарх отдаст 3 млрд. долл., то больше к нему никогда не будет вопросов, связанных с приватизацией. Однако ничто не мешает парламенту позднее принять другой закон,

³⁰ Acemoglu D., Robinson J. A Theory of Political Transitions. — American Economic Review, 2001, vol. 91, No 4, p. 938–963.

³¹ Gradstein M. Inequality and Institutions. Mimeo, 2003.

³² Acemoglu D., Robinson J. Inefficient Redistribution. — American Political Science Review, 2001, vol. 95, p. 649–661.

согласно которому нужно доплатить еще немного. При этом новые требования, возможно, будут предъявлены не тому же самому олигарху — у него будет на 3 млрд. долл. меньше (и, значит, меньше адвокатов, телохранителей, дружественных журналистов и чиновников). В этом смысле никакие законы о сроках давности не помогут — собственно, что не позволяет новому парламенту изменить сроки давности? Демидовых и Мамонтовых не спасло в 1917 г. то, что поколения их предков владели чем-то на совершенно законных основаниях.

Точно так же нельзя заключить — из-за невозможности поддерживать в условиях равновесия — и более конкретные договоренности между бизнесменами и политиками, например: “Мы вам — ограничение коррупции и избыточного регулирования, а вы нам — уплату налогов в полном объеме”. Действительно, политик может снизить налоги сейчас, но не может пообещать не повышать их завтра. Поэтому бизнесмен боится выйти из “тени”, даже если ему клятвенно пообещают не увеличивать налоги в будущем. Где тот суд, который накажет за нарушение этого обещания?

В работах по теории конфликтов приводится немало примеров того, что войны — между странами или между политиками и бизнесменами — возникают зачастую гораздо раньше, чем исчерпываются возможности разрешения конфликта путем трансферта части спорного ресурса от слабой стороны к сильной. Современная теория объясняет это так: слабая сторона — потенциальная жертва агрессии — может начать войну, а не удовлетворить какие-то требования сильной стороны, понимая, что в противном случае слабая сторона станет еще слабее, а сильная — еще сильнее, и в следующий раз придется удовлетворять еще более жесткие требования. Аналогично, чем больше отдает олигарх, тем слабее он становится и тем легче потребовать у него что-нибудь позднее. В этом смысле устойчиво оптимальное распределение богатства, при котором силы бизнесменов и политиков распределены так, что ни одна из сторон не только не имеет возможности отнять что-либо у другой, но и не может сместить баланс сил в свою пользу.

* *
*

В любой экономике имущественное неравенство обуславливает значительные экономические издержки прежде всего потому, что определяет неравенство возможностей, и производственный капитал слишком часто оказывается не у самых эффективных собственников. Наилучшее лекарство здесь — развитие финансовых рынков. Пример с олигархами показывает, что появляется дополнительный отрицательный эффект неравенства — оно снижает спрос на институты защиты прав собственности. Проще говоря, в этих условиях богатым не нужны ни независимые суды, ни эффективные чиновники — им выгоднее обо всем заботиться самим. Данный эффект особенно заметен, когда экономическое неравенство сопровождается неравенством политическим, то есть когда в политике есть отдача от масштаба³³.

³³ В России наблюдается именно подобный случай — партии и структуры партийных финансов таковы, что у граждан нет стимулов делать небольшие пожертвования,

Тем не менее и для крупных предпринимателей в улучшении институтов имеются положительные стороны (помимо их доли от увеличившегося ВВП). Низкий уровень защиты прав собственности в экономике не только формирует благоприятную среду для передела собственности, но и приводит к реальным издержкам — приходится нанимать охранников и адвокатов, поддерживать политиков и платить чиновникам как для того, чтобы отнимать у других, так и для того, чтобы не отняли у тебя. И чем крупнее собственник, тем сильнее должен быть этот эффект. В 2000–2004 гг. бывшие олигархические группы раскрывали структуру собственности своих компаний, в частности, чтобы иметь возможность выйти на мировые рынки капитала и товаров. Заметим, что сама необходимость такого выхода может быть следствием опасения экспроприации. В любом случае это свидетельствует о большем желании олигархов уважать права собственности других. Неудивительно, что возросшая открытость и улучшение корпоративного управления быстро приводили к росту капитализации³⁴.

Чем могут олигархи помочь экономическому росту? Прежде всего — уменьшением затрат на перераспределительную (в противовес производительной) деятельность — коррумпирование судей, укрепление связей с чиновниками и политиками. Здесь, как некогда в гонке вооружений, снова остро встает проблема координации. Отдельно взятому олигарху, возможно, было бы выгоднее больше инвестировать в расширение производства и меньше — в защиту своих прав собственности, но это позволит конкурентам получать больше от перераспределения, что, в свою очередь, сделает производство менее выгодным. До тех пор пока у сторон не появится возможность координировать свои действия или горизонт планирования у них не увеличится, единственный исход в такой игре — слишком большие арсеналы “вооружений” и слишком маленькие инвестиции в производство.

Теоретически правительство, опирающееся на широкие слои населения, должно стремиться защищать права собственности. На практике же люди, находящиеся у власти, в точном соответствии с моделью “начальник — подчиненный (здесь — избиратели)” преследуют собственные цели. Поэтому в нашей модели они являются просто агентами, участвующими в перераспределении наравне с другими, что еще больше увеличивает опасность втягивания страны в процесс бесконечного передела, теоретическое обоснование которого приведено в данной работе. Несмотря на то что исключительно неравномерное распределение богатства негативно сказывается на экономическом развитии России, насильственное его перераспределение не принесет никакой пользы, дав толчок лишь бесконечному циклу перераспределений от богатых к бедным и обратно. При этом об экономическом росте придется, естественно, забыть.

а у партийных функционеров — их поощрять и собирать. Для сравнения, в избирательном цикле 1999–2000 гг. в США пожертвования отдельных граждан составили 80% всех средств, полученных кандидатами и партийными комитетами (включая федеральные избирательные фонды и все виды пожертвований). Средняя величина пожертвования — 115 долл.

³⁴ Гуриев С., Лазарева О., Рачинский А., Цухло С. Корпоративное управление в российской промышленности. ЦЭФИР, 2002.